

— Почуял? — Шэнь Цинхань недоумённо нахмурился.

— Разве вчера, только сойдя с повозки, ты не ощутил запах крови?

— Ощутил, но...

— Но лишь почувствовал запах, не сумев понять, откуда он исходит.

Шэнь Цинхань покосился на Ин Сыиня. Любопытство взяло верх:

— А ты — смог?

Ин Сыинь лишь загадочно улыбнулся.

— Значит, и с этим чаем что-то не так? — продолжал допытываться Шэнь Цинхань. — Тоже почуял неладное?

— У этого чая нет запаха, — отозвался Ин Сыинь. — Зато звук подвёл.

— Звук?

Ин Сыинь взял чайник и слегка встряхнул его возле уха юноши.

— Послушай внимательно. Чем этот плеск отличается от обычного шума воды?

Шэнь Цинхань прислушался, но в конце концов лишь покачал головой:

— Не понимаю. Как вообще должна звучать «обычная» вода?

— Эх... — Ин Сыинь со вздохом отставил чайник в сторону. — Ты, в горах Куньлунь эти десять лет чему в конце концов научился?

— Куньлунь — великая обитель! — тут же оцетинился Шэнь Цинхань. — Это я оказался нерадивым учеником.

— И кто же на Куньлуне самый искусный?

— Мой наставник, — с гордостью ответил юноша. — Чжэньжэнь Сими, я — его ученик с самыми слабыми навыками.

— Твой покорный муж шесть лет не покидал поместья, — усмехнулся Ин Сыинь, — однако среди молодых талантов цзянху, чьи имена чего-то стоят, ты — один из них, Мо Наньфэн — один из них, Му Фэйюнь — тоже один из них. На Куньлуне столько учеников, но в Рейтинг сильнейших мастеров попал только ты один. Ты говоришь, что ты самый слабый, хм... Ты действительно слаб, но на Куньлуне должен считаться как минимум выдающимся.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Первый шаг к мастерству — это трезвая оценка своих сил. Очевидно, ты этого пока не освоил.

— Ты презираешь Горы Куньлунь?

— Напротив, — Ин Сыинь рассмеялся. — Как я смею презирать место, взрастившее такую несравненную красоту?

— Не мог бы ты не называть меня «красивым»? — недовольно бросил Шэнь Цинхань. — Будь на моём месте ты, радовался бы, если бы тебя вечно величали красавчиком или сравнивали с девицей?

— Виноват. Хорошо, подберём другие слова... Как насчёт: «статный», «мужественный», «благородный», «ликом подобен яшме», «взором сияющий»?..

Шэнь Цинхань лишь лишился дара речи от такой наглости.

Тем временем Гу Цзэсяо выворачивало наизнанку. Всё, что он съел вчера, давно покинуло желудок, но он продолжал заходиться в рвотных позывах, едва ли не изрыгая саму желчь. Ну и подлец же этот Ин Сыинь, какой же подлец!

— Господин хоу... — Гу Цзэсяо, держась за живот, нетвёрдой походкой подошёл к повозке. Он вцепился в деревянный борт, не в силах даже разогнуться, и жалобно завыл: — У меня нет сил сидеть в седле. Позвольте мне зайти внутрь, хоть на четверть часа!

Кухня, плита, потайной ящик... Ин Сыинь указал место с пугающей точностью. Запах крови, трупы, гниль — слово «тошнотворно» не могло передать и сотой доли того кошмара. Стоило Гу Цзэсяо сделать лишь пару шагов внутрь, как его пробрало до костей.

Поистине жестоко и коварно.

— Нельзя, — во второй раз отрезал Шэнь Цинхань.

— Шэнь Цинхань, ты... — Гу Цзэсяо был бледным как полотно. Он дрожащей рукой указал на повозку: — Помяни моё слово: земля круглая, ещё встретимся!

— Если тебе так плохо, иди поблужай ещё. Глядишь, полегчает.

— Ты... А если я сейчас всем расскажу, что там было? Никто и шагу дальше не сделает!

— Не расскажешь.

Не расскажет? Ладно же!

Спустя полчаса Ин Сыинь, приложив руку ко лбу, со вздохом наблюдал, как сопровождающие их юноши один за другим облепили деревья, содрогаясь от рвоты.

Шэнь Цинхань, отряхнув ладони, вышел из главного зала постоянного двора. Ин Сыинь лениво прислонился к повозке. Даже при всей его порочности нельзя было отрицать: этот человек был удивительно красив. Горделивая осанка, пронзительный взор... Жаль только, сердце червивое. Шэнь Цинхань никак не мог заставить себя проникнуться к нему симпатией. Его держало рядом лишь несколько причин: желание обучиться высшим техникам, жажда мести за семью и... призрачная надежда, что через шесть лет этот человек действительно сдержит обещание и отдаст свою жизнь.

Такой непредсказуемый мужчина вряд ли стал бы размениваться на ложь какому-то Шэнь Цинханю.

— Я проверил. Вчера они ели курицу и рыбу.

— И ты собираешься им об этом сообщить?

— Перебьются, — холодно хмыкнул Шэнь Цинхань. — Остолопы. Едят и не могут отличить вкус куриной ножки от чего-то иного.

Раз Шэнь Цинхань не пошёл, Ин Сыинь и подавно не сдвинулся с места.

Весь остаток утра они вдвоём наблюдали за мучениями свиты. Те, кто вчера бодро скакал в седле, теперь выглядели как сонные мухи. Гу Цзэсяо и вовсе не мог разогнуться — он буквально распластался на крупе коня, обхватив того за шею, и безучастно взирал на дорогу, пока его скакун лениво переставлял копыта.

Шэнь Цинханя всё ещё занимал тот злополучный чайник. Он вертел его в руках, пытаясь разгадать секрет, а Ин Сыинь, подперев щеку ладонью, любовался им.

— Шэнь Цинхань, — вкрадчиво произнёс он. — Назови меня «мужем», и я научу тебя технике распознавания яда по звуку.

Шэнь Цинхань промолчал, не удостоив его взглядом.

— Сколько ни пялся, до морковкина заговенья ничего не высмотришь.

Шэнь Цинхань продолжал хранить молчание.

— Неужели так трудно один раз назвать меня мужем?

Шэнь Цинхань наконец издал короткий смешок и медленно проговорил:

— Если тебе это кажется таким простым — назови мужем меня.

Повозка ехала медленно, но Ин Сыинь на всякий случай вытянул ногу, преграждая путь, чтобы Шэнь Цинхань ненароком не соскользнул.

— Когда речь заходит о наставнике, ты сияешь от гордости, — заметил он. — Почему же в мою сторону летят одни упрёки и презрительные взгляды?

— А в тебе есть хоть что-то, достойное уважения?

— Что касается боевых искусств... Смею утверждать: в Поднебесной не найдётся человека, способного одолеть меня за три сотни ударов. Разве одно это не заслуживает почтения?

— Тех, кто не может победить меня за триста ходов, тоже предостаточно.

— Я говорю о целом мире.

— Позволь мне прожить ещё шестнадцать лет, — отпарировал Шэнь Цинхань, — и я ещё посмотрю, кто из нас окажется сильнее.

Ин Сыинь внезапно подался вперёд и взял юношу за подбородок. Шэнь Цинхань попытался уклониться, но тот не оставил ему шанса. Он перехватил его запястья: левой рукой — правое, правой — левое. Чайник всё ещё оставался в руках юноши. Шэнь Цинхань прикидывал: если швырнуть его с такого расстояния, попадёт ли он точно в лицо Ин Сыиню?

— Я научил тебя не меньшему, чем старик Сими, — негромко проговорил Ин Сыинь. — Раз не хочешь звать мужем, назови хотя бы наставником.

Шэнь Цинхань решил про себя: этот бездельник просто слишком много спал, и теперь ему нечем заняться, вот он и изводит его от скуки.

Юноша отвернул лицо.

— Ты никогда не сражался с моим учителем. Откуда мне знать, кто из вас сильнее?

— Неужели ты никогда не слышал о славе своего хоу в мире цзянху?

— Слышал. О славе «крысы, которую каждый готов прибить». Чем тут гордиться?

— Прибить-то готовы все, — усмехнулся Ин Сыинь, — да только никто не смеет. Как думаешь, почему?

— Ты не успокоишься, пока не вытянешь из меня хоть слово похвалы?

— Я лишь хочу, чтобы ты понял: твой мужчина — лучший в Поднебесной. И чтобы тот восхищённый взгляд, которым ты награждаешь других, принадлежал только мне.

Шэнь Цинхань редко улыбался. Но рядом с Ин Сыинем он почти непроизвольно холодно усмехался. Вот и сейчас — не размыкая рта, он лишь едва приподнял уголки губ и пренебрежительно фыркнул.

Ин Сыинь приблизил своё лицо почти вплотную.

— Кажется, я ещё не заставил тебя признать моё превосходство, Цинхань.

Шэнь Цинхань замер. Он ожидал, что Ин Сыинь снова полезет целоваться, и уже готов был отстраниться до предела. Но потом передумал. Их отношения и так зашли слишком далеко, а лишнее жеманство лишь выдавало его замешательство. Он решительно повернул голову обратно и встретил взгляд Ин Сыиня в упор, демонстрируя полное бесстрашие.

Ин Сыинь лишь рассмеялся. Он отпустил левую руку юноши и коснулся пальцами его глаз.

— Красивые, — искренне прошептал он.

— Опять твои дежурные комплименты?

— Я лишь говорю правду. Жаль только, цвет глаз слишком блёклый. Я видел, как девушки красят веки — тебе бы тоже подошло. В следующий раз покрасься для меня.

Шэнь Цинхань уже открыл рот, чтобы резко отказать, но Ин Сыинь внезапно отстранился. Он чинно уселся на своё место, прислонившись к борту, и уставился в окно.

— Гости пожаловали, — бросил он равнодушно. — Я вчера уже пролил достаточно крови, сегодня не охота марать руки. Цинхань, выйди-ка, разберись.

Кто-то пришёл?

Шэнь Цинхань мгновенно сжал рукоять меча. Он уже собрался выглянуть наружу, но помедлил и спросил:

— На этот раз ты услышал или почувял?

Ин Сыинь указал на своё сердце и улыбнулся:

— Почувствовал душой.

Снаружи всё казалось спокойным. И хотя Ин Сыинь не походил на серьёзного человека, Шэнь Цинхань знал: такими вещами он шутить не станет. Опыт этого пройдохи, десятилетиями боровшегося за жизнь, не шёл ни в какое сравнение с его собственным. Если он сказал «гости», значит, враг уже здесь.

Так и случилось. Не успел Шэнь Цинхань приказать отряду остановиться, как впереди за клубился зловещий чёрный дым.

— Что это ещё за дрянь?! — Гу Цзэсяо мгновенно пришёл в себя. Вялость как рукой сняло. Он резко натянул поводья, заставляя отряд отступить.

Вместе с чёрным туманом ожили придорожные заросли.

Гу Цзэсяо среагировал быстро и успел увести лошадь. Но несколько замешкавшихся юношей в авангарде, едва вдохнув этот туман, замертво повалились на землю.

— Чёрт возьми, что происходит?! — в панике закричал Гу Цзэсяо в сторону повозки.

Шэнь Цинхань никогда не сталкивался с подобным, но сумел сохранить хладнокровие. Он обнажил свой длинный меч. По клинку мгновенно поползла изморозь, окутывая сталь ледяным дыханием.

— Ввысь! — негромко скомандовал он.

Четыре ледяные стены с грохотом вырвались из земли, стремительно вырастая в человеческий рост. Несколько раненых остались по ту сторону, но ледяная преграда надёжно отсекала ядовитый туман от остального отряда.

Туман замер перед стеной, а из леса донёлся странный, нарастающий шорох. Шэнь Цинхань поднял голову.

— Летучие мыши! — завопил Гу Цзэсяо. — Огромные чёрные рукокрылы! Они пьют человеческую кровь!

<http://bllate.org/book/17523/1659969>